

Королем афоризмов и принцем парадоксов называли современники одного из величайших британских писателей, поэтов и драматургов XIX века Оскара Уайльда. Его судьба до сих пор волнует не меньше, чем трогательные сказки, остроумные пьесы, рассказы и вечная загадка единственного романа. Уайльд любил эпатировать лондонскую публику безумными нарядами и искренне преклонялся перед прекрасным, считая красоту «не абстракцией, а результатом». Сфинкс на его могиле на кладбище Пер-Лашез покрыт поцелуями, ведь существует поверье: прикоснувшийся губами к этой каменной тайне обретет любовь и никогда ее не потеряет...

«Портрет Дориана Грея»
«Как важно быть серьезным»
Рассказы
Сказки

www.ksdbook.ru

www.bookclub.ua

ISBN 978-5-9910-3702-0

9 785991 037020

ISBN 978-617-12-1498-9

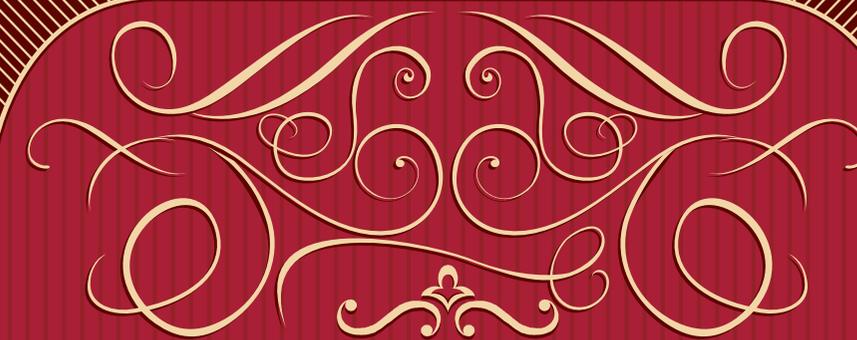

9 786171 1214989

ОСКАР
УАЙЛЬД

ПОРТРЕТ
ДОРИАНА
ГРЕЯ

СБОРНИК

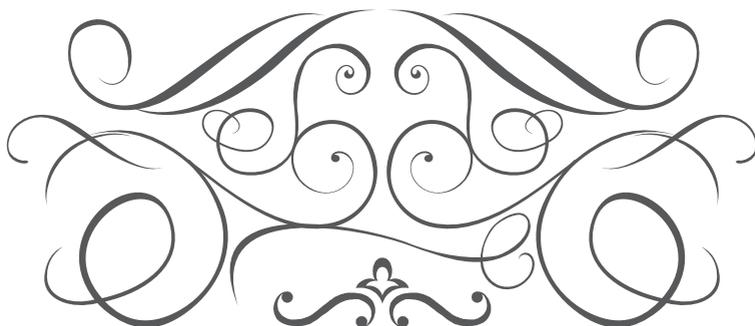
ПОРТРЕТ
ДОРИАНА
ГРЕЯ

СБОРНИК

ОСКАР УАЙЛЬД

ОСКАР УАЙЛЬД

ПОРТРЕТ

ДОРИАНА

ГРЕЧ

СБОРНИК

ХАРЬКОВ
БЕЛГОРОД
2016

КЛУБ
СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)
У13

Никакая часть данного издания не может быть скопирована
или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Уважаемые правообладатели!

Мы приняли все меры, чтобы найти вас и договориться
о приобретении прав на использование в нашей книге
Ваших произведений. Однако информации по этому вопросу нет.
Ваши переводы представляют высокую художественную ценность,
поэтому, в связи с отсутствием соответствующей информации,
мы взяли на себя смелость издать их.

Пожалуйста, по вопросам предъявления
авторских прав обращайтесь в издательство
«Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»» (тел. 057-783-88-89).

Перевод с английского
Н. Филимоновой, М. Ричардса, И. Сахарова, З. Журавской

Составитель *Сергей Реутов*

Дизайнер обложки *Татьяна Волошина*

ISBN 978-617-12-1498-9 (Украина)
ISBN 978-5-9910-3702-0 (Россия)

- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2016
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2016
- © ООО «Книжный клуб «Клуб семейного досуга»», г. Белгород, 2016

Портрет Дориана Грея

Предисловие

Художник — человек, создающий прекрасное. Цель искусства состоит в том, чтобы показать себя и спрятать художника. Критик — человек, который может по-новому отразить свои впечатления от прекрасного. Высшей и в то же время самой бездарной формой критики является автобиография. Люди, которые находят отвратительные черты в прекрасном, испорчены. У них самих не осталось ничего прекрасного. И это ошибка.

Те, кто видит в прекрасном только прекрасное, — избранные. Для них еще остается надежда. Они одни из немногих, для кого прекрасные вещи означают красоту.

Нет моральных или аморальных книг. Есть хорошо написанные книги, а есть плохо написанные книги. Вот и все.

В девятнадцатом столетии людям не нравится реализм: он делает их злыми, как Калибан¹, когда тот в зеркале видит свое лицо.

Нравственная жизнь человека — это часть работы художника, однако мораль искусства заключается в совершенном использовании несовершенных средств. Художник не стремится ничего доказывать. Даже то, что истинно может быть

¹ Калибан — персонаж драмы Шекспира «Буря», символ дикости, невежества, темных сил.

доказано. У художника не может быть этических пристрастий. Они приводят к недопустимой манерности стиля. Художник не воспринимает вещи болезненно. Он способен выразить все что угодно. Мысль и слово для художника — рабочий материал. Порок и добродетель для художника — рабочий материал. С точки зрения формы музыка становится прототипом всех искусств. С точки зрения чувств им становится актерская игра. Любое искусство одновременно лежит на поверхности и таит в себе символ. Те, кто пытаются углубиться в него, рискуют. Те, кто раскрывают символ, рискуют не менее. На самом деле искусство отражает зрителя, а не жизнь. Если произведение искусства вызывает разные мнения, это значит, что это произведение новое, сложное и нужное. Если критики расходятся во мнениях, то художник остался верен самому себе. Мы терпим человека, который сделал что-то полезное, пока он не начинает этим увлекаться. Единственным оправданием создания бесполезной вещи может стать страстная любовь к своему творению.

Искусство, по сути, бесполезно.

Оскар Уайльд

Глава 1

Мастерскую художника наполнял чудесный запах роз, а когда легкий летний ветерок проникал через открытые двери, он приносил с собой из сада то насыщенный аромат сирени, то нежное благоухание алых цветов боярышника. Лорд Генри Уоттон, по своему обыкновению, лежал на персидском диване и курил сигареты одну за другой. Отсюда он мог поймать взглядом блики солнца на золотисто-медовом цвете ивняка, хрупкие ветви которого едва держали на себе такую красоту; на шелковых портьерах, что закрывали огромное окно, время от времени появлялись странные тени птиц, которые пролетали мимо. Возникло впечатление, что портьеры японские. Это заставляло его задуматься о несчастных художниках Токио, которые пытаются средствами неизменно неподвижного искусства воспроизвести движение и скорость. Густое монотонное гудение пчел, которые пробивали себе путь сквозь некошеную траву или просто настойчиво кружили вокруг цветов в саду, делало тишину невыносимой. Глухой шум Лондона доносился сюда, как гудение далекого органа.

В центре комнаты, закрепленный на вертикальном мольберте, стоял портрет невероятно красивого юноши в полный рост, а перед ним, немного поодаль, сидел автор картины, Бэзил Холлуорд, чье внезапное исчезновение несколько лет назад вызвало в свое время такой ажиотаж и породило столько странных домыслов.

Художник смотрел на то, как удачно он сумел отразить красоту и грацию в своем творении, довольная улыбка не оставляла его лица. И вдруг он вскочил и, закрыв глаза,

прижал пальцы к векам, словно желая удержать в памяти какой-то удивительный сон и боясь проснуться.

— Это твоя лучшая картина, Бэзил, лучшее из того, что ты когда-либо делал, — небрежно пробормотал лорд Генри. — Ты просто обязан выставить ее в галерее Гросвенор в следующем году. Академия искусств великовата и слишком банальна. Когда бы я туда не пришел, там или так много людей, что я не в состоянии посмотреть на картины, что просто ужасно, или так много картин, что мне некогда смотреть на людей, а это еще хуже. Так что Гросвенор — это единственное подходящее место.

— Не думаю, что выставлю ее где-либо, — ответил художник, странным движением откидывая голову назад, из-за чего друзья в Оксфорде смеялись над ним. — Я не буду ее нигде выставлять.

Лорд Генри поднял брови и в изумлении посмотрел на него сквозь тонкие голубые кольца дыма, причудливо вьющиеся от его пропитанной опиумом сигареты.

— Нигде не выставлять? Мой дорогой друг, почему? У тебя есть на это какие-то причины? Какие же вы, художники, все же чудачки. Вы идете на все, чтобы завоевать репутацию. А заработав ее, делаете все, чтобы от нее избавиться. Ты делаешь глупость, ведь хуже, чем когда о тебе говорят, бывает только тогда, когда о тебе не говорят. Этот портрет возвысил бы тебя над всеми молодыми художниками Англии, а старым внушил бы сильную зависть, если старики вообще способны испытывать какие-либо чувства.

— Я знаю, тебе это покажется смешным, — ответил он, — но я действительно не могу выставлять его. Я вложил в него слишком большую часть себя.

Лорд Генри вытянулся на диване и захохотал.

— Слишком большую часть себя? Честное слово, Бэзил, зря ты так говоришь: я действительно не могу найти ниче-

го общего между твоим грубым, сильным лицом, твоими черными как смоль кудрявыми волосами и этим юным Адонисом, который, кажется, изваян из слоновой кости и лепестков роз. Действительно, дорогой Бэзил, он же Нарцисс, а ты — нет, ну у тебя, конечно, умное выражение лица и тому подобное. Но красота, подлинная красота заканчивается там, где начинается интеллектуальность. Интеллект сам по себе некоторая аномалия, он нарушает гармонию лица. Как только человек начинает мыслить, его лицо превращается в сплошной нос, сплошной лоб или еще какой-то ужас. Посмотри на людей, достигших успеха в умственной работе. Ну они же абсолютно гадкие! Единственное исключение — это, конечно, церковь. Но в церкви им не надо думать. Епископ в восемьдесят лет говорит то же самое, что ему велели говорить, когда он был восемнадцатилетним юнцом, и поэтому вполне естественно, что он прекрасно выглядит. Твой таинственный молодой друг, имя которого ты никогда не называл мне, но чей портрет меня так завораживает, никогда не думает. Я полностью в этом уверен. Он — волшебное безмозглое создание, которое следует иметь при себе зимой, когда нет цветов, чтобы порадовать глаз, и летом, когда нужно что-то, чтобы расслабить ум. Не льсти себе, Бэзил: ты на него ничуть не похож.

— Ты не понимаешь меня, Гарри, — ответил художник. — Конечно, я на него не похож. Я это прекрасно знаю. На самом деле я бы и не хотел быть похожим на него. Ты пожимаешь плечами? Я говорю серьезно. Людей, которые так отличаются физически или умственно, преследуют несчастья, именно те несчастья, которые на протяжении всей истории ставят королей на колени. Лучше не отличаться от других. Дураки и уроды живут лучше всех. Они могут спокойно сидеть сложа руки. Они не знают вкуса побед, но и поражений никогда не испытают. Они живут так, как следовало бы жить

нам всем: их ничто не беспокоит, они нейтральны, и главное — в их жизни нет тревог. Они не разрушают чужие жизни и не получают зла в ответ. Твой статус и богатство, Гарри, мой ум, каким бы он ни был, мои картины, чего бы они ни стоили, красота Дориана Грея — за все, что подарил нам Господь, нам придется страдать, очень сильно страдать.

— Дориан Грей? Так вот как его зовут... — переспросил лорд Генри, подойдя к Бэзилу Холлуорду.

— Да, это его имя. Я не хотел тебе говорить.

— Но почему?

— Не знаю, как это объяснить. Когда я очень люблю кого-нибудь, я никогда никому не называю его имени. Это все равно что отдать часть его самого. Со временем я любил таинственность. Кажется, это единственное, что может сделать современную жизнь увлекательной и загадочной. Обыкновенная безделица приобретает удивительные черты, стоит только скрыть ее. Везжая из Лондона, я теперь никогда не говорю своим родственникам, куда я направляюсь. Если бы признавался, я потерял бы всякое удовольствие. Это глупая привычка, смею заметить, но почему-то это приносит много романтики в жизнь. Ты, наверное, считаешь меня полным дураком из-за этого, не так ли?

— Нисколько, — ответил лорд Генри, — нисколько, дорогой Бэзил. Ты, кажется, забыл, что я женат, а одна из прелестей семейной жизни заключается в том, что она делает обман необходимым для обоих. Я не знаю, где моя жена, и моя жена никогда не знает, что я делаю. Когда мы встречаемся, а это приходится делать время от времени, чтобы вместе пообедать или посетить герцога, мы рассказываем друг другу всякие небылицы с самым серьезным видом. Моя жена преуспела, это у нее получается намного лучше, чем у меня. Она никогда не путается в своих рассказах, а вот со мной такое случается всегда. Однако, когда она выводит меня на

чистую воду, то не устраивает ссор. Иногда мне даже хотелось бы этого, но она просто смеется надо мной.

— Я не люблю, когда ты так говоришь о супружеской жизни, Гарри, — сказал Бэзил Холлуорд, подходя к двери в сад. — Я считаю, что ты замечательный муж, но почему-то упорно стыдишься своей добродетели. Удивительный ты человек. Ты никогда не говоришь ничего нравственного и никогда не делаешь ничего безнравственного. Весь твой цинизм — это просто игра на публику.

— Быть естественным — это бездарная игра на публику, и самая раздражающая, — воскликнул лорд Генри со смехом, и двое молодых людей вышли в сад и устроились на длинной бамбуковой скамье, которая стояла в тени высокого лаврового куста. Солнце скрывалось за гладкими листьями. В траве тихонько покачивались белые маргаритки.

Помолчав, лорд Генри посмотрел на часы.

— Боюсь, мне пора идти, Бэзил, — пробормотал он, — но перед тем как я уйду, ты должен ответить на мой вопрос.

— Какой именно? — спросил художник, не поднимая глаз от земли.

— Ты знаешь, о чем я.

— Не думаю, Гарри.

— Что ж, я повторюсь. Я хочу, чтобы ты объяснил, почему не собираешься выставлять портрет Дориана Грея. Я хочу знать правду.

— Я уже назвал тебе настоящую причину.

— Нет, ты сказал, что вложил в портрет слишком большую часть себя. Но это же несерьезно.

— Гарри, — сказал Бэзил Холлуорд, глядя ему прямо в лицо, — любой портрет, написанный с чувством, — это портрет художника, а не натурщика. Натурщик — это лишь случайность. Это не тот, кто изображен художником; скорее, художник отражает на холсте самого себя. Я не буду

выставлять эту картину, потому что боюсь, что показал в ней тайну своей души.

— И что же это за тайна? — расхохотался лорд Генри.

— Я расскажу, — смущенно ответил Холлуорд.

— Я весь внимание, Бэзил, — продолжил его собеседник, не сводя с него глаз.

— На самом деле здесь нечего долго рассказывать, — ответил художник, — боюсь, ты вряд ли поймешь меня. Вполне возможно, даже не поверишь.

Лорд Генри улыбнулся, наклонился, чтобы сорвать маргаритку с розовыми лепестками, и начал рассматривать ее.

— Я вполне уверен, что смогу это понять, — ответил он, внимательно глядя на маленький золотистый с белой опушкой пестик. — А что касается веры, то я могу поверить во что угодно, при условии, что это невероятно.

Налетевший ветерок стряхнул несколько цветков с деревьев, и звездочки цвета сирени наконец встревожили застывший воздух. У стены застрекотал кузнечик, и, как длинная тонкая голубая нить, мимо проплыла стрекоза на прозрачных коричневых крылышках. Казалось, лорд Генри слышит, как бьется сердце Бэзила, и он спросил, что же было дальше.

— История простая, — сказал художник через несколько минут. — Два месяца назад мне пришлось посетить прием у леди Брэндон. Ты же знаешь, нам, бедным художникам, приходится время от времени показываться в свете, просто чтобы напомнить общественности о том, что мы не дикари. Я был во фраке и белом галстуке, которые, как ты когда-то мне говорил, могут даже биржевому брокеру придать вид приличного человека. После десяти минут разговоров со многими нарядными вдовами и скучными академиками я почувствовал на себе чей-то взгляд. Обернувшись, я увидел Дориана Грея. Когда наши глаза встретились, я почувствовал, что бледнею. Какой-то необъяснимый ужас напал

на меня. Я знал, что мне пришлось столкнуться лицом к лицу с тем, чья личность была настолько увлекательной, что если я поддамся его обаянию, то он поглотит всю мою сущность, всю мою душу и даже мое искусство. Я не хотел никаких посторонних влияний на свою жизнь. Ты же знаешь, Гарри, насколько у меня независимый характер. Я всегда был сам себе хозяин, по крайней мере, пока не встретил Дориана Грея. Затем... не знаю, как это объяснить. Мне показалось, что я нахожусь на грани ужасного кризиса в моей жизни. У меня было странное ощущение, что судьба готовит мне необычайные радости и столь же изощренные мучения. Я испугался и отвернулся, чтобы уйти из комнаты. Не совесть заставила меня поступить так, это была своего рода трусость. Я осуждаю себя за попытку к бегству.

— Совесть — это то же самое, что и трусость, Бэзил. «Совесть» просто лучше звучит. Вот и все.

— Я в это не верю, Гарри. Я не думаю, что ты и сам веришь в это. В конце концов, какие бы мотивы не двигали мной в тот момент — а это могла быть и гордость, ведь я очень тщеславен, — я отправился к выходу. А там, конечно, я наткнулся на леди Брэндон. Она сразу закричала: «Мистер Холлуорд, не собираетесь ли вы сбежать так рано?» Ты же знаешь, какой у нее удивительно резкий голос?

— Да, она настоящий павлин во всем, кроме красоты, — согласился лорд Генри, нервно разрывая маргаритку своими длинными пальцами.

— Я не мог от нее избавиться. Она знакомила меня с королевскими особами, людьми со звездами и наградами и пожилыми дамами в огромных диадемах и с крючковатыми носами. Она рассказывала обо мне как о своем лучшем друге. Мы встречались лишь однажды, но она решила сделать из меня знаменитость. Я думаю, что тогда какая-то из моих картин имела большой успех, во всяком случае,

о ней болтали в дешевых газетах, что для девятнадцатого века является стандартом бессмертия. И вдруг я очутился лицом к лицу с молодым человеком, чей облик вызвал в моей душе столь странное волнение. Мы стояли очень близко, практически касались друг друга. Наши взгляды снова встретились. С моей стороны это было безрассудно, но я все же попросил леди Брэндон представить меня ему. В конце концов, возможно, это было не так уж и опрометчиво. Это было просто неизбежно. Мы поговорили бы и без официального знакомства. Я в этом уверен. Позже Дориан говорил мне то же самое. Он также почувствовал, что нам суждено познакомиться.

— А что же леди Брэндон рассказала тебе об этом очаровательном юноше? — спросил его собеседник. — Я знаю, что она любит рассказывать о своих гостях как можно подробнее. Помню, как однажды она подвела меня к мужчине в возрасте с угрюмым красным лицом (он был весь в лентах и орденах) и начала в трагической манере нашептывать мне на ухо наиболее пикантные детали о нем. Скорее всего, каждый в комнате прекрасно слышал, что она рассказывала. Я просто бежал. Я хочу искать для себя людей сам. А леди Брэндон относится к своим гостям так же, как аукционист обращается со своими товарами. Она или рассказывает о них абсолютно все, или рассказывает все, кроме того, что действительно хотелось бы услышать.

— Ты слишком строго относишься к бедной леди Брэндон, Гарри, — безразлично ответил Холлуорд.

— Дорогой мой, она хотела устроить у себя салон, а преуспела только в открытии ресторана. Как я могу восхищаться ею? Но скажи мне, что она говорила о Дориане Грее?

— Что-то вроде «прелестный мальчик... мы с его бедной матерью были неразлучны... Забыть то, что он делает... ничего не делает... ах да, играет на рояле или на скрипке,

дорогой мистер Грей». Ни один из нас не мог сдержать смех, и мы сразу же стали друзьями.

— Смех — это далеко не худшее начало дружбы и точно лучшее ее окончание, — отметил юный лорд, сорвав еще одну маргаритку.

Холлуорд покачал головой.

— Ты не понимаешь, что такое дружба, Гарри, — проворчал он, — или что такое вражда, а это важно. Ты такой же, как и все, то есть безразличный ко всем.

— Это ужасно несправедливо с твоей стороны! — возмутился лорд Генри, сдвинув шляпу на затылок и взглянув на мелкие облака, которые плыли в бирюзовой пустоте летнего неба, как мотки блестящего шелка. — Да, ужасно несправедливо. Я нахожу большую разницу между людьми. Я выбираю друзей за их внешность, знакомых — за хороший характер, а врагов — за ум. Человек не может быть слишком осторожным в выборе своих врагов. Среди моих, например, нет ни одного дурака. Все они люди мыслящие, и, следовательно, все меня оценят. Пожалуй, это слишком высокомерно с моей стороны. Я высокомерен, правда?

— Я должен был бы согласиться, Гарри. Однако, согласно твоей классификации, я должен быть просто знакомым.

— Мой дорогой Бэзил, ты для меня гораздо больше, чем просто знакомый.

— И гораздо меньше, чем друг. Некий брат, я полагаю?

— Братья! Мне нет дела до братьев. Мой старший брат никак не умрет, а младшие братья, кажется, не делают ничего другого.

— Гарри! — воскликнул Холлуорд, нахмутив брови.

— Я шучу, мой дорогой друг. Но мне противны окружающие. Я ничего не могу с этим поделать. Думаю, это потому, что мы не можем терпеть людей с теми же недостатками, что и у нас. Я глубоко сочувствую английским

демократам, гневающимся на то, что они называют «по-роками высших классов». Массы чувствуют, что пьянка, тупость и безнравственность должны принадлежать только им, и если кто-либо из нас ведет себя, как осел, он как бы узурпирует их права. Было просто удивительно наблюдать их возмущение, когда бедняга Саузварк разводился с женой в суде. И все же, я не думаю, что хотя бы десятая часть пролетариев ведет добродетельный образ жизни.

— Я не верю ни единому слову из того, что ты только что сказал. Кроме того, Гарри, я чувствую, что ты и сам во все это не веришь.

Лорд Генри провел рукой по своей клинообразной бородке и постучал тростью из черного дерева по носку кожаного лакированного ботинка.

— Как же это по-английски, Бэзил! Ты уже второй раз обращаешь на это внимание. Если кто-то выскажет идею перед настоящим англичанином, а это всегда опрометчивый поступок, тому и в голову не придет подумать, верна эта идея или, возможно, ошибочна. Единственное, что имеет для него значение: верит ли этот кто-то в то, что он говорит. Смотри, значимость идеи никоим образом не связана с искренностью того, кто ее высказывает. На самом деле есть большая вероятность того, что чем менее этот человек искренен, тем более интеллектуальной будет эта идея, поскольку на нее не повлияют потребности, желания или предубеждения этого лица. В конце концов, я не хочу обсуждать с тобой политику, социологию или метафизику. Я люблю личности больше, чем принципы, но больше всего я люблю личности без принципов. Расскажи мне еще о Дориане Грее. Как часто вы видитесь?

— Каждый день. Я не смогу быть счастлив, если не буду видеть его каждый день. Он абсолютно необходим мне.

— Это невероятно! Я думал, ты всю жизнь будешь любить только свое искусство.

— Теперь он стал для меня моим искусством, — ответил художник серьезно. — Иногда я думаю, Гарри, что в истории мира бывает только два важных события. Первое — это появление нового средства искусства, а второе — появление новой личности в искусстве. Однажды Дориан Грей станет для меня тем, чем для Венеции стала живопись масляными красками, или чем лицо Антиноя стало для скульптуры античной Греции. Я не просто рисую его, делаю эскизы. Хотя я именно этим и занимаюсь. Но для меня он гораздо больше, чем просто модель или натурщик. Я не могу сказать, что я не доволен своей работой или что живопись не может передать его красоту. Нет ничего, что не могла бы передать живопись. И я знаю, что картины, которые я написал с тех пор, как встретил Дориана Грея, хорошие, лучшие за всю мою жизнь. Но каким-то странным образом, даже не знаю, поймешь ли ты меня, его личность открыла передо мной совершенно новую модель искусства. Я вижу вещи иначе, я осмысливаю их иначе. Я теперь могу воссоздать мир способом, о котором раньше и не догадывался. «Мечта о форме в царстве мысли» — кто это сказал? Неважно, это именно то, чем стал для меня Дориан Грей. Одно только присутствие этого парня — для меня он уже более чем парень, хотя ему лишь немного за двадцать, — одно только его присутствие, эх! Не знаю, сможешь ли ты понять всю значимость этого. Где-то на подсознательном уровне он указывает мне направление новой школы — школы, которая соединит в себе страсть романтизма и совершенство греческого стиля. Гармония души и тела — вот что это значит! Мы разделили их в порыве безумия и, как следствие, создали вульгарный реализм и пустой идеализм. Гарри! Если бы ты только знал, что для меня значит Дориан Грей! Помнишь мой пейзаж, за который Агню предлагал мне довольно кругленькую сумму, но я решил не расставаться с ним? Это одна из моих лучших картин. А знаешь почему?

Потому что, когда я писал ее, рядом сидел Дориан Грей. Он придавал мне незримую силу, благодаря которой я наконец-то увидел в обычном лесу удивительную красоту, которую всегда искал, но она избегала моего взгляда.

— Бэзил, это поразительно! Я должен встретиться с Дорианом Греем.

Холлуорд поднялся с кресла и пошел в сад. Через некоторое время он вернулся.

— Гарри, для меня Дориан Грей — это просто источник вдохновения. Ты можешь и не найти в нем ничего примечательного. Для меня же он особенный. Он наиболее присутствует в тех моих картинах, на которых нет его изображения. Как я уже говорил, он указывает мне новое направление. Я вижу его в определенном изгибе линий, в красоте и нежности определенных цветов. Вот и все.

— Почему же ты не хочешь выставлять его портрет? — спросил лорд Генри.

— Потому что я неумышленно выразил в нем это свое странное идолопоклонство, о котором я, конечно, никогда не рассказывал Дориану Грею. Он ничего не знает об этом. И никогда не должен узнать. Но люди могли бы отгадать правду, а я не хочу обнажать душу перед их любопытными и близорукими глазами. Я не позволю рассматривать собственное сердце под микроскопом. На портрете слишком много меня, Гарри, слишком много меня!

— Даже поэты не так стыдливы, как ты. Они знают, как полезна страсть к публикации. В наше время разбитое сердце выдерживает множество изданий.

— Я ненавижу их за это, — взорвался Холлуорд. — Художник должен создавать прекрасные вещи, но не вкладывать в них свою жизнь. В наше время люди так относятся к искусству, как будто оно предназначено быть разновидностью автобиографии. Мы утратили способность отвлеченно воспри-

нимать красоту. Однажды я покажу миру, что это значит; и потому-то мир никогда не увидит портрет Дориана Грея.

— Я думаю, ты не прав, Бэзил, но я не стану с тобой спорить. Только люди скудного ума прибегают к спорам. Скажи, ты очень нравишься Дориану Грею?

Художник задумался на несколько минут.

— Я нравлюсь ему, — ответил он после паузы. — Я знаю, что нравлюсь. Конечно, я ему всячески льщу. Мне доставляет странное удовольствие говорить ему вещи, о которых, я знаю, буду жалеть. Как правило, он обаятелен со мной, и мы сидим в студии и говорим о тысяче вещей. Однако время от времени он ведет себя бездумно, и, кажется, ему даже нравится причинять мне боль. В такие моменты я чувствую, что отдал свою душу человеку, который обращается с ней, как с цветком, который можно приколоть к своему пиджаку, — небольшое украшение, тешащее его тщеславие, украшение на один летний день.

— Летние дни проходят медленно, Бэзил, — пробормотал лорд Генри. — Быть может, ты пресытишься раньше, чем Дориан. Это грустно сознавать, но нет сомнения, что гений долговечнее красоты. Об этом свидетельствует тот факт, что мы все так и стремимся сверх всякой меры развивать свой ум. В жестокой борьбе за существование мы хотим иметь что-то, что будет оставаться неизменным, поэтому мы забиваем свои головы разным мусором и фактами в отчаянной надежде сохранить место под солнцем. Современный идеал — всесторонне образованный человек. А сознание всесторонне образованного человека — это ужасная вещь. Это как антикварная лавка, где полно пыли и чудовищ, а цены на все завышены. Несмотря ни на что, я думаю, что ты пресытишься первым. Однажды ты согласишься на своего друга, и он станет казаться тебе несколько неподходящим, чтобы писать с него картину, или тебе не понравится

цвет его кожи, или что-то в этом роде. Ты с горечью перемотришь отношение своего сердца к нему и поймешь, что он вел себя плохо по отношению к тебе. В следующий раз, когда он появится, ты будешь сухим и безразличным к нему. Жаль, что это произойдет, ведь это тебя изменит. Твой рассказ окутан романтикой, я бы назвал ее романтикой искусства, но хуже всего то, что когда она покидает человека, то от нее не остается ни малейшего следа.

— Гарри, не надо так говорить. Пока я жив, личность Дориана Грея будет господствовать надо мной. Ты не сможешь почувствовать то, что чувствую я. Ты слишком изменчив для этого.

— Эх, дорогой Бэзил, именно поэтому я и смогу почувствовать это. Преданные люди видят банальную сторону любви, а вот предатели способны познать ее трагедию.

Лорд Генри закурил с таким самоуверенным и довольным видом, будто рассказал обо всем мире одним предложением. В зеленых листьях плюща раздавался шорох и чирикание воробьев, а голубые тени облаков гонялись по траве, словно ласточки. Как хорошо было в саду! И как упоительны чужие эмоции! Чувства казались ему гораздо приятнее, чем идеи. Наиболее интересными вещами в жизни он считал свою душу и страсти друзей. Он с тихим удовольствием представлял скучный обед, который пропустил, потому что так задержался у Бэзила Холлуорда. Если бы он пошел к своей тете, то непременно встретил бы там лорда Гудбоя и они говорили бы только о том, что нужно помогать бедным, и о важности аренды жилья. Богачи говорили бы о необходимости экономить и соревновались бы в красноречии на тему достоинства труда. Избежать всего этого было настоящим счастьем! Пока он думал о своей тетушке, к нему пришла одна мысль. Он повернулся к Холлуорду и сказал:

— Дорогой мой, я только что вспомнил.

— Что ты только что вспомнил, Гарри?
— Где я слышал имя Дориана Грея.
— И где же это? — спросил Холлуорд, несколько нахмурившись.

— Не надо сердиться, Бэзил. Это было у моей тетушки, леди Агаты. Она рассказала мне, что познакомилась с замечательным юношей, который согласился помогать ей в Ист-Энде, и что его зовут Дориан Грей. Должен сказать, она ничего не говорила о его красоте. Женщины не ценят красоту, по крайней мере, хорошие женщины. Она говорила, что он очень искренний и имеет прекрасный характер. Я сразу представил покрытое веснушками создание в очках, с редкими волосами, которое громко топает своими длинными ногами. Мне следовало бы знать, что это твой друг.

— Я рад, что ты этого не знал, Гарри.
— Почему?
— Я не хочу, чтобы ты его встретил.
— Ты не хочешь, чтобы я встретился с ним?
— Нет.

— Мистер Грей в мастерской, — сказал дворецкий, войдя в сад.

— Теперь тебе придется представить меня ему, — сквозь смех сказал лорд Генри.

Художник повернулся к своему слуге, который стоял и щурился от солнца:

— Попроси мистера Грея подождать. Я подойду через несколько минут.

Дворецкий поклонился и пошел по тропинке к дому. Затем Холлуорд посмотрел на лорда Генри.

— Дориан Грей — мой близкий друг, — сказал он. — У него простой и замечательный характер. Твоя тетя была права относительно его. Не надо его портить. Не пытайся повлиять на него. Твое влияние не пойдет ему на пользу. Мир

Содержание

Портрет Дориана Грея. <i>Роман</i>	5
Кентервильское привидение. <i>Повесть</i>	255
Преступление лорда Артура Сэвила. <i>Повесть</i>	297
Портрет г-на У. Г. <i>Повесть</i>	338
Натурщик-миллионер. <i>Рассказ</i>	380
Сфинкс без загадки. <i>Рассказ</i>	388
Перо, полотно и отравка. <i>Эссе</i>	396
Принц и Ласточка. <i>Сказка</i>	426
Соловей и роза. <i>Сказка</i>	435

Великан-эгоист. <i>Сказка</i>	441
Преданный друг. <i>Сказка</i>	446
Кичливая Ракета. <i>Сказка</i>	454
Молодой Король. <i>Сказка</i>	458
День рождения Инфанты. <i>Сказка</i>	472
Рыбак и его душа. <i>Сказка</i>	495
Дитя-Звезда. <i>Сказка</i>	537
Как важно быть серьезным. <i>Пьеса</i>	555

Літературно-художнє видання

УАЙЛЬД Оскар
Портрет Доріана Грея. Збірка
(російською мовою)

Укладач *Сергій Реутов*

Керівник проекту *З. О. Бакуменко*
Координатор проекту *Г. В. Сологуб*
Відповідальний за випуск *О. В. Стратілат*
Редактори *М. О. Рабінович, О. Е. Лісовикова*
Художній редактор *Т. О. Волошина*
Технічний редактор *І. О. Гнідая*
Коректор *О. В. Сергіна*

Підписано до друку 11.08.2016.
Формат 60х90/16. Друк офсетний.
Гарнітура «Adonis». Ум. друк. арк. 40.
Наклад 10000 пр. Зам. № .

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а.
E-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано у ПРАТ «Харківська книжкова фабрика «Глобус»»
61012, м. Харків, вул. Різдва, 11.
Свідоцтво ДК № 3985 від 22.02.2011 р.
www.globus-book.com

Литературно-художественное издание

УАЙЛЬД Оскар
Портрет Дориана Грея. Сборник

Составитель *Сергей Реутов*

Руководитель проекта *З. А. Бакуменко*
Координатор проекта *Г. В. Сологуб*
Ответственный за выпуск *Е. В. Стратилат*
Редакторы *М. А. Рабинович, Е. Э. Лесовикова*
Художественный редактор *Т. О. Волошина*
Технический редактор *И. А. Гнедая*
Корректор *Е. В. Сергина*

Подписано в печать 11.08.2016.
Формат 60x90/16. Печать офсетная.
Гарнитура «Adonis». Усл. печ. л. 40.
Тираж 10000 экз. Зак. № .

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
Св. № ДК65 от 26.05.2000
61140, Харьков-140, просп. Гагарина, 20а.
E-mail: corp@bookclub.ua

Отпечатано в ПРАТ «Харківська книжкова фабрика «Глобус»»
61012, г. Харьков, ул. Рождественская, 11
Свидетельство ДК № 3985 от 22.02.2011 г.
www.globus-book.com

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093) 170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: www.bookclub.ua
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Высылается бесплатный каталог

Для оптовых клиентов

Харьков
тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@bookclub.ua
www.trade.bookclub.ua

Киев
тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@bookclub.ua

Одесса
тел./факс +38(067)572-44-28
e-mail: odessa@bookclub.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов, художников, переводчиков и редакторов**

e-mail: publish@bookclub.ua

Під цією обкладинкою зібрано найкращі твори класика світової літератури, геніального письменника, поета і драматурга Оскара Уайльда — людини, яка не боялася кинути виклик суспільству і для якої Мистецтво стало порятунком від нудьги, вульгарності й лицемірства вікторіанської Англії. Його єдиний роман «Портрет Доріана Грея» про декаданс, двоєдушність і красу, який став своєрідною проповіддю теорії естетизму, комедія «Як важливо бути серйозним» — найдотепніша з тих, що коли-небудь ішли на британській сцені, чарівні казки та яскраві іронічні оповідання — невелика, але улюблена багатьма частина блискучої творчої спадщини Оскара Уайльда.

Уайльд О.

У13 Портрет Дориана Грея. Сборник / Оскар Уайльд ; сост. С. Реутов ; пер. с англ. Н. Филимоновой, М. Ричардса, И. Сахарова, З. Журавской. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга» ; Белгород : ООО «Книжный клуб “Клуб семейного досуга”», 2016. — 640 с.

ISBN 978-617-12-1498-9 (Украина)

ISBN 978-5-9910-3702-0 (Россия)

Под этой обложкой собраны лучшие произведения классика мировой литературы, геніального писателя, поэта и драматурга Оскара Уайльда — человека, который не боялся бросить вызов обществу и для которого Искусство стало спасением от скуки, пошлости и лицемерия викторианской Англии. Его единственный роман «Портрет Дориана Грея» о декадансе, двуличии и красоте, который стал своеобразной проповедью теории эстетизма, остроумнейшая из когда-либо шедших на британской сцене комедия «Как важно быть серьезным», чудесные сказки и яркие ироничные рассказы — небольшая, но любимая многими часть блистательного творческого наследия Оскара Уайльда.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)